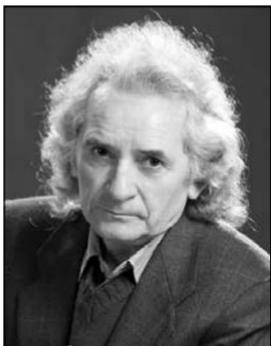

Николай Тимофеев

«ЗЕРНА И ПЛОДЫ» ДМИТРИЯ ЧУГУНОВА

(По страницам новой книги)

Николай Николаевич Тимофеев родился в 1939 году в городе Старый Оскол Курской области. Окончил Рязанский радиотехнический институт. Работал инженером, учителем физики. Литературный и театральный критик. Публиковался в журналах «Юность», «В мире книг», «Подъём», «Литературной газете». Автор радиоспектакля «Русская любовь во Франции» об И.А. Бунине, ряда театральных инсценировок, книги «Из древней тьмы... звучат лишь письма» и других очерковых и краеведческих книг. Живет в Воронеже.

Поэзия. Проза. Педагогика. Театр. Путешествия. Исследование литературы — русской и немецкой. И все это в одном человеке — воронежце Дмитрии Чугунове, авторе объемной книги «Зерна и плоды». Оценить заслуги профессора Воронежского государственного университета Д.А. Чугунова можно и не читая книги, а лишь используя надпись на переплете и еще ее последние страницы, где представлена избранная библиография, состоящая из трех разделов. «Художественные издания» — 10 наименований, среди которых проза и стихи. В разделе «Научные издания» указаны 7 книг, посвященных немецкой литературе от XIX века до наших дней. Один из ведущих германистов современной России, к 36 годам он стал доктором филологических наук и профессором кафедры зарубежной литературы ВГУ — одним из самых молодых в начале 2000-х в Центральном Черноземье. В третьем разделе «Обо мне» указано присутствие Дмитрия Чугунова в четырех энциклопедических выпусках, один из которых издан в 2010 году в Германии.

А теперь о книге. Во-первых, это автобиография, представляющая *жизнетворчество* автора в строго хронологическом порядке. Понятие «жизнетворчество» выделено здесь недаром, ибо оно применимо все-таки к довольноному узкому кругу людей, для которых жизнь и творчество неотделимы друг от друга. Чтобы понять и принять писателя в полном объеме, надо прочитать книгу поступательно от начала до кон-

ца. Классическая триада автобиографического повествования «детство — отрочество — юность» здесь присутствует кратко в самом начале. Но далее автор излагает свою жизнь как рассказ о путешествии, сопровождаемом глубокими и доверительными размышлениями о каждом этапе пути, а вслед за этим приводит художественные сочинения, в которых главным действующим лицом является, как правило, он сам в тот период времени. Например, повесть «Красный автомобиль с люком в крыше» написана в «ковидном» 2020 году и тогда же опубликована в журнале «Подъём». Но отрывок из нее помещен в разделе, посвященном середине 1990-х, когда автор, будучи студентом, обучался в немецком Халле, а по завершении обучения купил подержанный автомобиль и совершил на нем авантюрное путешествие из Германии в Россию через несколько границ, даже не имея водительских прав. Я прочел эту документально-художественную повесть в «Подъёме» на одном дыхании. В ней органично сочетаются тонкое понимание психологии окружающих людей, точность определений, умение высветлить человека одним-двумя штрихами, его реакция на предлагаемые жизнью обстоятельства. Ирония и самоирония. Здесь тот редкий случай, когда документальное произведение читается как хорошую прозу, потому что автор — отличный стилист. В одном эссе он признается: «В студенческие годы я был убежденным “литератором”, а не “лингвистом”». Все эти свойства характеризуют любой рассказ, повесть, роман Дмитрия Чугунова. С добротной русской классикой XIX века автора связывают сопереживание своему герою, мягкость, демократичность, доброжелательность тургеневского типа. Кстати, «литератор» и «лингвист», на мой взгляд, могут совмещаться в одном человеке. И Чугунов доказывает это, упорно вводя в употребление букву Ё, выброшенную из употребления на заре советской власти. Она полноправно присутствует даже на обложке книги.

Тот факт, что сочинение 2020 года в книге размещено среди событий середины 1990-х, все-таки исключение из общего правила ее построения. А оно состоит в том, что во всех прочих случаях вслед за короткими повествованиями о каком-то периоде жизни сразу же идут художественные произведе-

ния, написанные в этот период. Так, за очерком о создании и деяниях молодежного поэтического объединения «Зинзивер», появившегося в Воронеже в конце 1980-х, следуют стихи автора тех лет. Среди них — три вдохновенно-патриотических стихотворения из цикла «Путч», датированные 20 августа 1991 года. После первого — сноска: «половина первого ночи». Если бы кто-то додумался издать стихи, сочиненные авторами на просторах России о трех августовских днях того рокового года, стихотворения двадцатилетнего студента ВГУ Дмитрия Чугунова, уверен, были бы среди лучших.

За рассуждением об «особости» своего поколения в эссе «Рубеж веков» следует рассказ с названием «О человеке» из книги «Берега реки», созданный как раз на это переломное время. В нем приведена трагическая история жизни ровесника автора. А далее — глава с названием «Хокку». Вот ее начало. «Осень. Последний год тысячелетия. Последний год третьего десятилетия. Последний год работы над кандидаткой диссертацией. Дни заполнены университетской жизнью. Вечера — фильмами Такеши Китано, Клода Шаброля, Андрея Тарковского. А еще я внезапно начинаю рисовать. Белая гуашь по черному фону. Иллюстрации к кратким мгновениям. Пять слогов в строке, снова пять, семь...» После приведенного выше введения в тему на нескольких страницах помещены рисунки автора с авторскими текстами хокку. Так называется традиционный жанр японской лирической поэзии, известный в этой стране с XIV века. Кстати, в том же 2000 году в Воронеже вышел сборник стихотворений автора «Хокку к Марии».

Энциклопедичность знаний и умений, широта интересов и склонность автора к эксперименту совершенно естественно приводят к появлению в книге главы «Театр».

«2013-й и 2014-й годы по странному стечению обстоятельств стали для меня “театральным” временем», — так начинает автор этот цикл. Из него читатель узнает и об отношении к Платоновскому фестивалю в Воронеже, о шоке, который испытали зрители, посетив спектакль «Педагогическая поэма», который показал театр из Таллинна. Дмитрий Чугунов одним из первых откликнулся в прессе на это форменное безобразия.

А дальше автор подробно говорит о том, как он стал одним из главных действующих лиц уникального явления, возникшего в Воронеже. Речь идет о появлении летом 2014 года на базе нашего ТЮЗа так называемого «Театра равных», в котором пьесу, созданным профессором ВГУ Дмитрием Чугуновым, разыгрывали на сцене театра обычные молодые люди и инвалиды — пятьдесят на пятьдесят. Автор рассказывает, как он подружился с театром, постановщиком спектакля Вадимом Кривошеевым, с каким волнением был на его репетициях. И заключает: «Всегда тепло вспоминаю это время творения. А как вдохновенно играли актеры! Даже не играли, а жили на сцене!»

Вслед за «Театром» следует раздел «Фэнтези». В предисловии автор рассказывает, как в марте 2013 года был в командировке в Старом Осколе, где в то время находился филиал ВГУ, и здесь у него неожиданно возник замысел большой повести в жанре «интеллектуального фэнтези». Все подобные вступления к каждой главе — это небольшие, в жанре эссе, размышления на заданную тему. «Я с огромным удовольствием переносился из шумной воронежской непредсказуемости в правильную и немного сонную провинциальную атмосферу... Когда-нибудь я напишу добрую книгу об этом городе: о его сентябрьских аллеях, усаженных яркими рябинами, о легких холмах и просторных проспектах, о друзьях, здесь обретенных». Он размышляет и об особенностях современного литературного процесса: «Я точно знал, что буду писать не историю “бей-беги”, а нечто иное... Чтобы стать популярным автором, ныне надо писать не то, что хочется, а то, что заказывают издательства. Современный литературный процесс, за редкими исключениями, строится вокруг так называемых “литературных проектов”».

После этих актуальных строк в книге идет повесть «Певец» на ста с лишним страницах — в четверть всего объема книги. Вот ее начало: «Березовый Дол был поистине благословенным местом в королевстве. Эта небольшая деревенька лежала у широкой реки». В этом «благословенном месте» взрослеет главный герой повести по имени Анн. Пытливый подросток, потом — юношу живо интересует окружающий его мир

людей и мир природы. Ему во что бы то ни стало надо прийти до первопричины всех явлений. Он уходит в лесные дебри, чтобы найти исток Бобрового Ручья — и находит его. «На пригорке у истока сидел какой-то старичок и с улыбкой смотрел на вылезшего из лесных дебрей странника. Анн поклонился и поздоровался. Старичок тоже ответил приветствием. — Это исток, — сказал Анн. — Я искал его. — Как удивительно, — произнес старичок, — редко кто из людей ищет истоки». Философская притча — одна из характеристик этой повести. «Однажды ночью Анн вылез в окно своей комнаты и побежал в лес наблюдать ночную жизнь бобров и попытаться заговорить с ними... Это было необычно для деревенских жителей». В результате его стали сторониться сверстники и даже взрослые жители деревни. «Словно бы он был вообще не такой, как они. Чужой. Друзей у него почти не было. Только соседская девочка по имени Нель».

Отец Анна был в деревне землемером. И Анн мечтал продолжить дело отца. Подросшего Анна отец впервые взял с собой в поездку. «Римон, небольшой городок, лежал севернее Березового Дола, на берегу реки. В Римоне варили сахар... Там размещалась землемерная контора, в которой служил отец Анна... Жил в Римоне и наместник короля. Его замок стоял на прибрежной возвышенности — на другом берегу раскинулись бескрайние поля». В Римоне Анн обретает друзей, которые открывают в нем талант певца, а также наживает новых врагов. Ассоциации с воронежской топонимикой здесь невольно приходят на ум внимательному читателю.

Автор с первых глав сумел подружить читателя со своим незаурядным героем. Мы с интересом сочувствуем ему в его поисках и испытаниях на нелегком жизненном пути к благородной цели. Как хороший режиссер-психолог, автор умело чередует описательные страницы с главами, в которых преобладают динамика событий. В повести «Певец» (название весьма метафоричное применительно к главному герою) Дмитрий Чугунов всем содержанием полемизирует с другими авторами жанра фэнтези, доказывая, что герой не обязательно должен обладать свойствами супермена, бороться с вампирами и прочей нечистой силой. Благород-

ство целей и поступков может быть — и должно быть! — главной силой и качеством как героя, так и самого этого современного жанра. Дочитав повесть, мы понимаем, что, несмотря на присутствие в ней фэнтэзийных элементов, автор обнажил срез общества социального неравенства, по сути, нашего общества, а также то, как не просто молодому человеку, отличающемуся от средне-статистического обывателя стремлением познать окружающий его мир, приносить пользу людям, реализовать это благородное стремление.

Значительное место в жизни автора занимают путешествия. В 2012 году «Книга путешествий» Дмитрия Чугунова вышла в Воронеже, а в последующие годы географическая карта его странствий пополнилась не многими новыми городами и странами. «Испания и Андорра в 2014 году, Хорватия — в 2015-м... Германия с юга на север и с востока на запад — в 2017-м». Тут мы вспоминаем, что автор — известный в России германист. Быть специалистом по литературе отдельной страны невозможно без ее досконального знания. Каковы ее ландшафты, восходы и закаты, очертания улиц и городов, определяющие черты характера населяющего ее народа, каковы обычаи и отношения между людьми, как любят женщин и как любят женщины... Синтез чуткого и эмоционально воспринимающего мир писателя и фундаментальность ученого весьма наглядно проявляется как раз в описании конкретных географических мест и событий, в них происходящих. Один перечень стран, городов,ородков и поселений разного рода, в которых побывал автор, мог бы занять целую страницу. А как живо, конкретно и чувственно описано каждое такое знакомство. Автор пробует жизнь на ощупь, на вкус, на запах и на слух. Путевые впечатления Дмитрия Чугунова с массой интереснейших подробностей заставляют вспомнить лучшие страницы романа Ивана Гончарова «Фрегат Паллада», рассказы Ивана Бунина из цикла «Тень птицы», наконец, «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль"» Чарльза Дарвина. Лаконичное эссе «Путешествовать — значит жить» (название заимствовано у любимого автором Х.К. Андерсена) — не только указатель маршрутов, но и обра-

Дмитрий Чугунов

зец авторской исповедальности. «В эти годы я жадно впитывал образы и звуки, голоса и краски дней... Становился ли я мудрее? Вряд ли, потому что в любом возрасте есть место и свершениям, и ошибкам. Становился ли другим? Да».

Все, описанное выше, относится не только к другим городам и странам. Воронежский контекст — его улицы, проспекты, переулки, фонтаны, узнаваемые и нередко прямо называемые здания его улиц — рассыпан по художественным произведениям, а также присутствует в чисто биографических сюжетах автора.

Ну и, конечно, люди! Прежде всего, самые близкие. Мама, подарившая шестилетнему сыну тетрадь, в которой можно было все что угодно — писать, рисовать и «придумывать истории Рисованного Человечка». Тетя Римма, с которой в отрочестве трижды путешествовал по таежным рекам и проселкам Якутии. «И самое главное: тетя была очень дружелюбным и правдивым критиком. Ей я не стеснялся показывать написанное. Она умела обратить внимание на удачные и искренние места. При этом честно говорила и о том, что ей представлялось слабым, надуманным, нежизненным. Под влиянием нашего общения я начал делать путе-

вые заметки. Сохраняя в блокнотиках имена встреченных людей, названия колесных пароходов, на которых мы плавали по Лене, записывать впечатления от знаменитых Ленских Столбов, от небольших городков и деревушек». Далее — учителя, школьные и университетские. Чувство благодарения Всевышнему и хорошим людям, которые одновременно помогали автору реализовать природные способности, освещает многие страницы его биографической исповеди.

Своей книгой Дмитрий Чугунов отразил «три цвета времени»: советское, «лихое» и наше, переходное. Приметы каждого периода в отношениях между государством и человеком, переживания автора по поводу происходящих событий присутствуют как в автобиографических эссе, так и в его художественных произведениях. Вот отрывок из эссе «Рубеж веков»:

«Напрасно Гюстав Флобер сетовал, что ему довелось родиться в *переходную* эпоху (здесь и далее выделенные слова принадлежат автору книги. — Н.Т.). Это ведь лучшее время! Мое "*переходное*" поколение было нелинейным. Именно мы в сложные "девяностые" научились критично мыслить. Пришедшие в мир на пять-десять лет раньше имели уже промытые советским воспитанием мозги. Нас же чуть-чуть не дожали: мы были правильными детсадовцами, октябрятцами, пионерами, а вот на комсомоле все начало разваливаться. И другие, младше нас на пять-десять лет, тоже выходили однобокими: о советской эпохе — благодаря "Огоньку" и прочим разоблачителям — они знали только плохое. Мол, там не было секса, царил тотальный дефицит, да и вообще вся страна представляла сплошной ГУЛАГ.

Именно нам было *интересно жить* — без разрушающей ностальгии и без горячки иванов, родства не помнящих. Действительность менялась на наших глазах, и мы либо всегда запрыгивали в последний вагон уходящего поезда, либо оказывались в первых рядах исследователей дивного нового мира. И всегда знали, что мы теряем и что приобретаем».

Тут стоит поспорить с автором, упрощающим характеристики поколений. Ибо время — одно, а судьбы — разные. О том, что не все мозги оказались «промытыми советским временем», говорят события 1991 го-

да. Могу засвидетельствовать, как участник и очевидец роковых августовских дней и ночей 1991 года на площади у Белого дома: большинство собравшихся на его защиту были представителями интеллигенции среднего возраста и молодыми людьми около 30 лет. Да и судьба самого автора выпадает из общего ряда. В 1994 году, сразу после окончания филфака, молодого человека приглашают преподавателем на кафедру зарубежной литературы. А в следующем году, еще студента факультета романо-германской филологии, определяют преподавателем на кафедру немецкого языка. Через пять лет 30-летний автор уже защищает кандидатскую диссертацию. Много ли примеров столь успешных судеб можно привести, имея в виду середину 1990-х годов? В те годы тысячи сверстников автора, имея на руках дипломы о высшем образовании, пошли в «челноки» или стали торговать на рынках и в ларьках.

Кто-то может сказать, что Чугунову повезло. Однако везет тому, кто сам везет! Надо не завидовать и валять дурака, нужно быть, а не казаться! «Не позволяй душе лениться!» — эта строчка из стихотворения Николая Заболоцкого пронизывает все страницы биографической книги Дмитрия Чугунова. Умные руководители в те срединные девятые годы по достоинству оценили качества перспективного молодого выпускника. Многие в те годы падали «на дно». Судьба автора разворачивалась по восходящей...

«Всем лучшим во мне я обязан книгам», — это признание Максима Горького могло бы стать эпиграфом к завершающему эссе «Мои миры». Но автор выбрал эпиграфом суждение современного английского писателя-фантаста Нила Геймана, высказанное им в романе «Океан в конце дороги»: «Взрослые идут нахоженными тропами. Дети разведывают новые...» Только дочитав до конца эссе «Мои миры», этот авторский гимн книге и роли чтения в жизни, мы понимаем, что ученый-филолог также «разведывает новые тропы» в своей деятельности преподавателя вуза. И со свойственной ему прямотой рассуждает на эту актуальную тему:

«Мне всегда претило литературоведческое усекновение живой жизни в произведе-

ниях, сведение ее к набору дат, терминов, чеканных определений. Возможно, и мои лекции в университете не всегда отличаются подобной чеканностью, весьма удобной для зазубривания перед экзаменом. Однако я понял, что не зря так *вольно* (здесь и далее курсив автора книги. — *Н.Т.*) рассказываю о книгах, когда один студент-журналист через несколько лет после выпуска вдруг вспомнил наши занятия. И сказал, что мои лекции о Бальзаке помогли ему принять правильное решение в сложной жизненной ситуации. Возможно, я размышлял *тогда* об «Утраченных иллюзиях», возможно — об «Отце Горио», не помню. И я порадовался его признанию».

Размышление автора о сведении живой жизни в произведении «к набору дат и терминов», которое имеет место не только в современном вузе, но и в школе, сверхак-

туально! Поражаешься пугающей тупости авторов учебников, требующих, чтобы школьник запоминал имя двоюродного дяди Базарова или Обломова или как звали лошаадь графа Вронского...

«Читая, мы однажды уподобляемся Фаусту, долго искавшему свой миг прикосновения к Божественному (курсив автора книги. — *Н.Т.*). Мы также можем воскликнуть: мгновенье, ты прекрасно!»

Книга «Зерна и плоды» воплощает судьбу человека, которому удалось редкое — развить и реализовать свой природный дар во всех отношениях. И что особенно ценно: в текстах книги содержатся ответы на вопросы — как и почему это произошло, почему такое возможно и в наши дни. Да, наверное, и в любое время. Значит, есть надежда. И не все так трагично, как порою нам кажется.

